

Д. С. Дмитриев

Княгиня Елена Глинская

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д53

Д53 **Дмитриев Д.С.**
Княгиня Елена Глинская / Д. С. Дмитриев – М.: Книга по Требованию, 2013. –
156 с.

ISBN 978-5-458-06381-4

Княгиня Елена Глинская Историческая повесть Д. Дмитриева. В пользу комитета, российского общества Красного Креста, "Христианская помощь", состоящего под августейшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны.

ISBN 978-5-458-06381-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О свадьбѣ съ любимой дѣвушкой Дятлову и думать было нечего. Спесивый, богатый бояринъ не выдастъ за него, бѣдняка, свою дочь, красавицу писанную.

„Чай, не о такомъ зятѣ старый думаетъ: за боярина именитаго или за князя какого онъ выдастъ свою дочь, Надю,—разсуждалъ молодой ловчій, похаживая по бесѣдкѣ.—Придетъ ли моя голубка на свиданье? Прийти сулила. Пробуду здѣсь до утра, ждать буду — можетъ, и придетъ“.

Вотъ какъ слюбились Борисъ Дятловъ съ Надей.

Какъ-то разъ Шигона задалъ на всю Москву пирь. На этомъ пиру присутствовали великій князь съ своей семьей и всѣми придворными чинами; въ томъ числѣ былъ и молодой великокняжескій ловчій Дятловъ.

Иванъ Юрьевичъ не держалъ свою семью взаперти въ теремѣ и не пряталъ отъ гостей свою дочь, красавицу Надежду. Шигона нарушалъ обычай того времени „беречь дочь отъ мужского глаза“, и на пиру Надя, вмѣстѣ съ своей теткой, боярыней Анной Юрьевной, угощала дорогихъ званыхъ гостей. На этомъ пиру въ первый разъ увидались Дятловъ съ Надей; тогда же они полюбили другъ друга и стали тайкомъ видѣться. Прежде видались они въ церкви, а тамъ удалой ловчій нашелъ случай ходить на свиданье съ любимой дѣвушкой въ густой, большой садъ ея отца, боярина Шигоны. Тамъ видѣлись они лѣтнею порою чуть не каждую недѣлю. Выходила Надя на свиданіе въ садъ не одна, а со своею старухой-нянькой, Марковной. Дятловъ сумѣлъ поддѣлаться къ старухѣ-няннкѣ и посредствомъ денегъ, которыя и въ ту отдаленную пору играли у насъ на Руси видную роль, добился, что Марковна, хоть и съ ворчаньемъ, а все-таки соглашалась на свиданія своей боярышни съ молодымъ бояричемъ.

II.

— Ну, кто въ такую пору ненастную ходитъ на свиданіе?! Если бы лѣто было красное, а то осень ненастная. Вѣдь зги Божьей не видно! Теперь хоть глазъ выколи!—послышалось Дятлову ворчанье старухи Марковны.

— Не ворчи, Марковна, не надолго вѣдь, вышли на одну минутку,—отвѣтилъ на ея ворчанье пріятный дѣвичій голосъ.

— Охъ, боярышня, боюсь я, крѣпко боюсь, чтобы мнѣ, старой, бѣды не нажить... Провѣдаетъ государь твой батюшка,—ну, и лихая бѣда, онъ на свѣтѣ не дастъ мнѣ жить, старухѣ, лютой мукой замучаетъ меня.

— Полно, Марковна! Спать батюшка...

— А проснется да хватится! Бѣда! Бояричъ, а бояричъ! Здѣсь ли?—тихо позвала Марковна Дятлова.

— Здѣсь, Марковна, я здѣсь давно васъ жду,—радостно отвѣтилъ Дятловъ.

— Да гдѣ ты, государь? Вѣдь зги не видно.

— А въ бесѣдкѣ я... Ну, здравствуй, боярышня, Надежда Ивановна.

— Здравствуй, Борисъ Васильевичъ! Мы не надолго пришли,—ты насъ не держи.

— Да, да, бояричъ, ты насъ долго не держи,—промолвила старуха, сядя на скамью.

— Вотъ, Марковна, получай обѣщанное.

Дятловъ далъ старухѣ серебряный рубль. Старуха задрожала отъ радости. Какъ темно ни было, она все-таки разглядѣла блестящій рубль.

— Спасибо тебѣ, бояричъ, Борисъ Васильевичъ, до земли спасибо. Ну, уважилъ! Натко-ся—рублемъ пожаловаль! Ну, что же, поворкуйте, голубки. Я тутъ въ сторонѣ посижу и о своей прошлой жизни пораздумаю. Охъ, и я была молода и я любила! Бывало, тоже,

крадучись, на свиданіе ходила къ дружкѣ... Было да прошло и ковыль-травою поросло... — тихо говорила Марковна, вертя въ рукѣ серебряный рубль.

— Проститься намъ, Борисъ, нужно. Я въ послѣдній разъ къ тебѣ вышла въ садъ.

— Проститься?! Зачѣмъ ты, Надя, такъ сказала: проститься, разстаться? А легко ли намъ разстаться?

— Что же дѣлать, Борисъ, хоть и не легко, а надо! Вѣдь Покровъ на дворѣ, скоро снѣгъ застелетъ землю — и въ садъ нельзя будетъ ходить, — печально проговорила молодая дѣвушка.

— Говорятъ, великій князь скоро задумалъ на охоту выѣхать, и мнѣ придется ѣхать съ государемъ-княземъ.

— А надолго великій князь ѣдетъ?

— Надолго, любя. Пожалуй, на цѣлый мѣсяць.

— На мѣсяць! Легко сказать! На охотѣ ты, Борисъ и про меня забудешь!

— Тебя забыть! Да что ты, Надя! Или ты не знаешь, что ты мнѣ дороже самой жизни! Отнять у меня, тебя, значить отнять мою жизнь. Безъ тебя, голубка, мнѣ нѣтъ жизни и нѣтъ радости.

— Что же намъ дѣлать?

— А вотъ что, Надя, надумалъ я: завтра побываю у твоего государя-батюшки, тебя сватать стану.

— Охъ, Борисъ, боязно.

— Чего, голубка, боишься?

— Боюсь, милый... Батюшка, пожалуй, не отдастъ меня за тебя и станетъ гнѣваться.

— А, можетъ, и отдастъ. Чѣмъ тебѣ я, любушка, не пара? Я сынъ боярскій и любимъ великимъ княземъ. Небогатъ я, правда. Да зачѣмъ богатство намъ? Былъ бы промежъ насъ совѣтъ да любовь.

— Батюшка не такъ судить, какъ ты. Въ однѣхъ деньгахъ онъ видитъ счастье, и знать не хочетъ, что и черезъ золото ясное текутъ слезы горячія.

— Ну, что будетъ, то и будетъ, а къ твоему батюшкѣ я пойду: попытка не пытка, а спросъ не бѣда.

— А если онъ откажетъ, тогда что дѣлать? Какъ быть?

— А вотъ какъ: тогда я посажу тебя, моя любя, на тройку лихихъ коней и унесу тебя за тридцать земель.

— Какъ?—испугалась и удивилась молодая дѣвушка.

— Да такъ: завезу тебя въ глушь куда-нибудь, тамъ и повѣнчаемся.

— Да что ты, Борисъ, что ты?! Опомнись, что говоришь. Развѣ безъ батюшкина благословенія я пойду съ тобой подъ вѣнецъ?

— Пойдешь, Надя, если меня любишь.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, плохо же меня ты знаешь. Я скорѣе умру съ тоски и печали, а безъ батюшкина согласія подъ вѣнецъ не пойду, и его, родимаго, на старости лѣтъ въ страшное горе не введу. Такъ ты и знай.

— А если бояринъ выдастъ тебя за немилгаго стараго мужа?

— Что подѣлаешь! На то будетъ его воля родительская.

— Но вѣдь, Надя, ты жизнь свою погубишь, живя со старымъ мужемъ.

— Такова, говорю, будетъ моя горькая судьбина. Противъ судьбы не пойдешь.

— Стало-быть, ты меня не любишь?

— Полно, полно, Борисъ! Грѣшно такъ говорить тебѣ. Развѣ ты не видишь мою любовь?—съ укоромъ проговорила молодая дѣвушка.

Вдругъ въ ночной тиши раздался рѣдкій колокольный звонъ.

— Что это? Никакъ звонять... Охъ, какъ страшно звонять!—дрожа всѣмъ тѣломъ, проговорила Надя.

— Чего же ты, голубка, испугалась?

— Какъ чего? Развѣ ты не слышишь? Вѣдь такъ звонятъ, когда покойниковъ хоронятъ. Страшно, страшно, — не къ добру звонъ этотъ, къ худу...

— Вѣдь это часы выбиваютъ, а можетъ, и къ службѣ гдѣ-нибудь звонятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, звонъ этотъ — вѣстникъ какой-нибудь большой бѣды... Марковна, а, Марковна! Скорѣй пойдемъ домой! Да полно спать, пойдемъ! — позвала молодая дѣвушка свою старуху-няньку, которая подъ разговоръ влюбленныхъ мирно спала, прислонившись спиной къ стѣнѣ.

— Что, что случилось?.. Ахти бѣда! Пожаръ, горимъ!

Старуха вскочила и со сна стала бѣгать и суетиться.

— Что ты, Марковна, какой пожаръ! Пора домой, пойдемъ, — съ улыбкой проговорила Надя.

— Фу, совсѣмъ я, старая, заспалась. Во снѣ-то, барышня, пожаръ мнѣ пригрезился, большой пожаръ, будто горятъ хоромы наши, полымя такъ и пышетъ, такъ и пышетъ, страшно, да и только! Говорятъ, пожаръ къ богатству видѣть. Хорошо бы, если бы сонъ въ руку.

— Пойдемъ же, Марковна, скорѣй!

— Куда, боярышня, спѣшишь? Побудь со мной, вѣдь надолго мы расстаемся, — молилъ Дятловъ.

— Боюсь я, Борисъ, не навсегда бы. Охъ, колокольный звонъ въ ночную пору предвѣстникъ бѣды. Прощай, прости, не забывай свою Надежду.

— Прощай, голубка моя, молись, чтобы Господь смягчилъ сердце твоего отца.

— Прости!

— Ну, что вы такъ-то! Ужъ по-любовному проститесь, — улыбаясь промолвила Марковна.

Молодой великокняжескій ловчій крѣпко обнялъ свою возлюбленную. Надя не противилась и сама его обняла и подарила своимъ первымъ, чистымъ поцѣлуемъ молодого ловчаго.

Дятловъ, какъ хмельный, вышелъ, шатаясь, изъ бесѣдки и пошелъ къ садовому забору; онъ перескочилъ черезъ него, отвязалъ промокшую и озябшую лошадь и поскакалъ въ свой одинокій теремъ.

А рѣдкій, заунывный звонъ все раздавался въ ночной тиши и гдѣ-то далеко замиралъ.

III.

Широко и привольно жилось боярину Ивану Юрьевичу Шигонѣ. Его теремъ, построенный изъ толстаго дубоваго лѣса, считался лучшимъ на Воздвиженкѣ. Жилъ Шигона въ своемъ терему полной чашей—всякаго добра у него было вволю. Великій князь любилъ и жаловалъ своего дворецкаго Ивана Юрьевича, такъ что онъ сталъ правой рукой своего государя. Крутой и настойчивый по характеру, Шигона особенно не терпѣлъ противорѣчій, и становившихся поперекъ его дороги безъ пощады сживалъ со свѣта. Цѣлая сотня челядинцевъ жила въ его боярскомъ дворѣ, и слово Шигоны было для нихъ закономъ; дочь свою, Надю, онъ любилъ и берегъ, но старался не обнаруживать своей любви и обходился съ дочерью не со всѣмъ ласково...

„Лишней лаской, пожалуй, избалуешь дѣвку. Повадку ей давать нечего. А дай повадку, — послѣ самъ наплачешься: вмѣсто покорной дочери супротивницей будетъ“, разсуждалъ Иванъ Юрьевичъ.

Но, несмотря на суровое обращеніе отца, Надя горячо его любила, и „родительское“ слово было для нея свято. Все, что скажетъ или прикажетъ отецъ, она исполняла безпрекословно. Росла Надя на чужихъ рукахъ, не видя ласки родной матери, такъ какъ, еще будучи младенцемъ, лишилась своей матери и осталась сиротою на попеченіи старухи Марковны и теткн-вдовы Анны Юрьевны. Впрочемъ, тетка жила отдѣльно

со своей семьей и только изрѣдка прїѣзжала къ своему брату „провѣдать“ сиротинку-племянницу.

Такъ росла Надя и въ семнадцать лѣтъ расцвѣла, какъ роза.

Ловчій Дятловъ выполнилъ свое слово и на другой день послѣ тайнаго свиданія съ Надей прїѣхалъ къ ея суровому отцу просить руки дочери.

Бояринъ Иванъ Юрьевичъ въ это время собирался ѣхать въ великокняжескій теремъ, когда ему сказали, что ловчій Дятловъ, Борисъ Васильевичъ, желаетъ его, „государя“, видѣть.

— Зачѣмъ еще пожаловалъ? — съ неудовольствіемъ проговорилъ Шигона.

Онъ за что-то недолюбливалъ молодого ловчаго.

— Не знаю, государь! — съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ прислужникъ, думая, что бояринъ его спрашиваетъ.

— Молчи, песь! Не тебя спрашиваю! — крикнулъ на него бояринъ. — Ступай, проси гостя ко мнѣ въ опочивальню. Пошелъ!

Прислужникъ вышелъ, и, спустя немного, вошелъ Дятловъ, одѣтый по-праздничному—въ парчевое полукафтанье, обложенное по краямъ соболемъ; кафтанъ этотъ подарилъ ему великій князь за усердную службу.

— Здравствуй, государь Иванъ Юрьевичъ! Какъ тебя, свѣта, Богъ милуетъ? — низко кланаясь боярину, проговорилъ Дятловъ.

— Здравствуй, здравствуй, Борисъ Васильевичъ! Садись, гость будешь. Чѣмъ потчевать прикажешь?

— Объ угощеніи не хлопочи, государь.

— Что за хлопоты! На то ты и гость.

— Да не гостить пришелъ я къ тебѣ, государь, а по дѣлу.

— По дѣлу?! Говори, я готовъ тебя слушать. Что за дѣла?

— Дѣло такое, государь Иванъ Юрьевичъ, что сразу и сказать трудно...

— Будеть тебѣ! Сказывай, Борисъ Васильевичъ, что такое?

— Вотъ видишь ли, бояринъ... Какъ бы это сказать...

Дятловъ смутился и мялъ свою бровную шапку въ рукахъ.

— Вотъ что, добрый молодець, если ты пришелъ ко мнѣ съ важнымъ дѣломъ, то сказывай скорѣе: мнѣ время ѣхать въ высокъ княжескій теремъ, — рѣзко проговорилъ Шигона.

— Сейчасъ скажу, не задержу.

— Ну? — чуть не крикнулъ Шигона, котораго уже мучило любопытство.

— Я пришелъ къ тебѣ, государь, въ зятя набиваться, — чуть слышно проговорилъ Дятловъ.

— Что?! Что ты сказалъ? Я не дослышалъ.

— Въ зятя, говорю, пришелъ къ тебѣ набиваться...

— Ты?! Ты ко мнѣ въ зятя?!

— Да, государь Иванъ Юрьевичъ... Я... я люблю твою дочь, Надежду Ивановну.

— Любишь? Дочь мою любишь?! — кричалъ Шигона уже внѣ себя. Онъ и блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ злости.

— Люблю, бояринъ, такъ люблю, что и словъ не подберу, чтобы представить тебѣ... — горячо говорилъ Дятловъ.

— И не надо! Вижу, вижу, что любишь. Ну, ловчій великокняжескій, спасибо тебѣ за честь, что меня, старичишку худороднаго, не забылъ, породниться со мною задумалъ и дочь мою, сиротинку-безприданницу, въ жены себѣ прочишь... За такую, молю, честь до земли тебѣ спасибо!

— Такъ, стало-быть, ты согласенъ, государь? — не понимая насмѣшки и еле сдерживая свою радость, проговорилъ молодой ловчій.

— Согласенъ, съ радостью согласенъ! Ну, какъ не

согласиться! Чѣмъ ты мнѣ не зять, а дочери моей не мужъ? И родъ твой знатенъ и богатствомъ ты извѣстенъ...

— Никакъ, Иванъ Юрьевичъ, ты глумишься надо мной!

— А ты думаль, я и вправду радъ такому зятю? Да какъ ты смѣль думать объ этомъ! Я—именитый бояринъ и не даромъ слыву великокняжескимъ любимцемъ! Въ дворецкіе жалованъ государемъ. А ты—ловчій, съ собаками по полямъ рыскаешь!—кричалъ внѣ себя Шигона.

— Не забывай, бояринъ: я ловчій не простой, а княжій. И за мою службу вѣрную государь жалуетъ меня,—гордо возразилъ Дятловъ.

— Велика честь быть ловчимъ!..

— И не велика честь наушникомъ и смутьяномъ быть...

— Замолчи, не то ножомъ пырну!

Шигона схватилъ со стола ножъ и замахнулся на Дятлова.

— Приди въ себя, старикъ, и не грози мнѣ слугѣ государеву, ножомъ... На прощанье скажу тебѣ: не больно ты хвались собою—вѣдь ты сплетней да смутьянствомъ по Москвѣ извѣстенъ. Вотъ и вся твоя послуга...

— Вонъ, вонъ, дьяволь! — шипѣлъ Шигона.

— Что, бояринъ, вѣрно за живое задѣлъ тебя?

Дятловъ неспѣша оставилъ теремъ „спесиваго“ боярина.

А Шигона, между тѣмъ, искалъ, на комъ бы сорвать свой гнѣвъ. Еще не успокоившись, онъ прошелъ въ свѣтлицу къ дочери. Та, ничего не подозрѣвая, сидѣла за пяльцами и вышивала по бархату золотомъ; рядомъ съ ней сидѣла Марковна и что-то рассказывала своей „выходицѣ“.

— Вонъ, старая!—крикнулъ на нее Шигона.

Та чуть не выкатилась изъ свѣтлицы.

— Ты Дятлова, княжого ловчаго, знаешь? — не спросиль, а крикнулъ Иванъ Юрьевичъ дочери.

Перепуганная крикомъ отца, дѣвушка сразу не нашла, что отвѣтить. Но тотъ не ждалъ.

— Чего молчишь? Слышала, про что я тебя спрашиваю?

— Знаю... Видала...—чуть слышно отвѣтила Надя.

— Видала? Гдѣ видала?

— Вѣдь ты самъ, батюшка, звалъ его на пиръ, когда былъ у насъ великій князь.

— А больше нигдѣ его не видала? — пристально глядя на дочь, допрашивалъ Шигона.

— Нѣтъ, нигдѣ не видала,—еще тише и вся вспыхнувъ, отвѣтила Надя. Она въ первый разъ въ жизни солгала своему отцу.

— Не врешь?

— Батюшка...

Надя не вытерпѣла и заплакала.

— Ну, да ладно. Теперь его ты видѣть нигдѣ не будешь.

— А что, батюшка?

— А вотъ слушай, что я скажу. Дятловъ—недругъ мнѣ. До самой гробовой доски недругъ. А если мнѣ, твоему отцу, онъ недругъ, то и тебѣ онъ такимъ же недругомъ долженъ быть. Поняла мои слова?

— Поняла, батюшка.

— И помни ихъ. Дятловъ теперь не переступить порога моего терема, не посмѣетъ прійти ко мнѣ, и если когда-нибудь придетъ, когда меня не будетъ дома, ты вели людишкамъ метлами гнать его со двора. Слышишь ли?

— Слышу, батюшка.

— Ну, прости, мнѣ время въ княжій теремъ ѣхать.

И Шигона вышелъ изъ свѣтлицы и въ крытой колымагѣ выѣхалъ со двора въ Кремль.